

Расшифровка интервью

Дата: 30.06.2022

00:00:06

У вас когда-нибудь брали интервью?

Когда я работала. Я учила женщин кроить без выкроек.

00:00:14

Да? Ничего себе!

И до сих пор помню всё.

00:00:18

Класс!

Сама я кроить начала... О, первая моя зарплата была в 11 лет.

00:00:26

Ой-ой, подождите. Сейчас.

Ну, это потом запишете. В 11 лет я приехала к дядюшке. И соседка прибежала по деревне и говорит: «Кто твоей племяннице шьет?» Он говорит: «Да она сама». А мне отдадут какое-нибудь старенькое платьишко, я из него — раз и себе сотворю что-нибудь. Ну и вот. А у нее трое детей, 1943 год. Муж на фронте. Дети подросли, ткани куча, а одевать нету. Ну вот я у них, наверное, недели две я у них жила, питалась молоком. Ну, корова у них была, куры были. Они уйдут на работу вместе с детьми, а я у них в это время шила. То есть я им нашла и блузки... Лве девочки были, и мальчик. И блузки, и брюки, и рубашки. Я в общем, откуда что я? У меня выкроек не было, я без выкроек резала. По снятой мерке. Вот тогда еще.

00:01:46

Потрясающе. Талант настоящий.

Талант. Мне за этот талант в пять лет... перепало. То есть павловский платок у матери был, черный такой, цветастый, красивый. Срединка-то износилась, мать вот так пополам разрешила, а нам по четвертинке подшила. Зачем ей половинка? Ей хватит четвертинки. Я отпахала у нее половинку и сшила кукле платье цыганское, такое красивое. Но мне, конечно, перепало.

00:02:28

Так, Зинаида Поликарповна, тогда давайте начнем наш разговор...

По ходу?

00:02:34

Да, по ходу. Мы включили всё. Давайте начнем с вашей семьи. Представьтесь, пожалуйста, и расскажите, представьте, как звали ваших родителей, и расскажите, пожалуйста, про них, про семью, про то, как жили, как они познакомились, может быть, вы знаете.

В общем, меня зовут Зинаида Поликарповна Бердникова. Я была в девичестве Гилёва, потому что отец у меня Гилёв Поликарп Дементьевич, жил в деревне, там раньше не деревня называлась, а починок, то есть початое поселение. Починок, вот там полностью его родственники жили, братья были. У отца было пять братьев и одна сестра. Все они жили в починке Гилёва. А через полкилометра в деревне Поносова жила моя мать впоследствии. Она, значит, Поносова Фёкла Гордеевна была. Она родилась в 1906 году. И это самое, ну что, там же все друг друга знают в этом случае. Вот когда они поженились, отцу было 34 года, а матери 23 года. Но прожили они очень короткую жизнь, почему? Потому что 1937 год. Это где-то, наверное, в 1929-м они поженились. Почему? Потому что в 1930 году у меня родилась уже старшая сестра. Она родилась 9 ноября 1930 года, 1930-го. А я родилась 27 ноября 1932 года. По документам это сейчас. А фактически я родилась 6 ноября 1932 года. Там боялись, что поздно пошли записывать. Три недели у меня убрали.

00:04:57

Как жили?

Родители матери занимались хлебопашеством. Занимались... У них пасека была на большом участке, где-то до двух гектаров, говорят. Но я потом ходила, вот уже взрослая ходила, землянику собирала, я рыжики собирала на этом участке. От станции это всё где-то в полкилометра-километр. Сейчас... Тогда был это Верещагинский район, Валеговский сельсовет, Томашовский сельсовет, они же менялись постоянно. А сейчас он Пугинский сельсовет, но Пугинский это станция Волегова, а Гилёво и Поносово стали относиться к Очёрскому району, а Очёрский район это село Токари, два километра от станции. Вот там работала учителем. В начальных классах работала моя троюродная сестра, потому что ее отец и мой дед были двоюродные, значит мы уже с ней были троюродные. Зинаида Демидовна, а его звали Демид Евграфович Поносов. Она проработала всю жизнь в этой школе, и потом, когда на пенсию вышла в деревне Поносово, она жила в этом доме, ну как дача. Я во время войны очень часто заходила, у нее мать была очень ответственная всегда, она никогда, чтобы, ну как сказать... все знали, что мы ведь без родителей, без матери... Тьфу! Сказала же... Без отца. И к ней всегда приходили, это мы знали, что она достанет крынку молока, это молоко топленое с черными, с коричневыми пенками, вкусное, и картошку из загнеты достает, крупную картошку горячую, печеную. Вот это у нас ее было самое хорошее угощение. Я до сих пор вкус помню даже.

00:07:37

Скажите, а чем, во-первых, ваши родители занимались? [Кому-то за кадром] Ты можешь там отогнать людей? Сейчас, подождите, сейчас мы их там... Потому что слышно.

Ну вот родители, они, я вам сказала, занимались земледелием, ну корову держали, овцы были у них, лошади были. В общем, как раз поля там все засеивал мой дед. А дом ему построил его брат, это уже... ну где-то, наверное, после 1926 года, потому что новый дом был, и когда деда раскулачили, их посадили, значит, материну сестру Симу, Нину, деда с бабкой, и кто-то еще, я уже забыла, кто там еще был, в общем, их на одну подводку посадили и увезли в Чердынский район, а то, что было в доме и то, что возле дома, всё полностью забрали, что в колхоз забрали, что куда. В общем, зерно там было у них, амбар, выгребли всё, на пяти лошадах всё это, из дома что было, всё забрали, увезли.

00:09:09

Это еще раз, когда раскулачивание было?

Когда раскулачивание было. Я дедушке, они потом их из Чердынского района перевезли, или они отпросились, не знаю, как они в Сибири оказались, в Томске, а старшая сестра Мария, она была уже замужем за Гусельниковым там, в Томске, и они туда приехали в Томск, домик у них был, я к ним приехала, вот сейчас скажу, когда... Когда на целину забирали, меня не взяли, я обиделась, рассчиталась с завода и уехала к бабушке с дедушкой, я потому что с ними переписывалась всегда, но там жили дедушка, бабушка... Так, Анна Фадеевна, она была бабушка, и Гордеев Дакимович дедушка был, и дочь их Сима, Сима замуж не выходила, всю жизнь прожила с ними. Ну вот я к ним приехала в Томск.

00:10:29

Если вот вернуться именно к вашей семье, можете рассказать, какие... [Оператору] Не выходит, да, кадр как-то поставить?.. Ты лучше тогда поставь, и я продолжу. Сейчас, момент. Сейчас-сейчас, подождите.

Это я про материнскую родню говорила, я могу и про отцовскую рассказать.

00:10:54

Давайте, да, но мне главное еще, какие у вас... Скажи, скажи, Надь, как мне сесть. А оно смонтируется у нас?

У меня записи там все есть, кто там, кто есть кто, но года рождения, конечно, не знаю, но отца знаю, 1895 года, и Плешивых Наум, напарник-то его, он тоже 1895 года рождения, и вот в 1937 году, 7 июля, их обоих забрали.

00:11:31

Мы сейчас к этому придем. Надь, там нормально?

У меня есть фотография, там и бабушка есть, и сестра отца есть, и они есть все там, на

фотографии, я их... Дали мне фотографию, не знают, кто есть кто, я всех их опознала, и бабушка там, и соседки, и золовки, и снохи, в общем.

00:12:11

А вы можете рассказать, какие, что за люди были ваши родители, они... Как-то их описать по-человечески, какие отношения были в семье?

Ну в семье всегда нормальные отношения были, но я вот недавно узнала, что мой отец был у старообрядцев как бы священником. Ну то есть раньше же не было молельных домов, и вот они ходили... Так. Жена у него была Варвара, ну вот дети, значит, старший Калистрат, Семен, Иван, Поликарп и Еремей. Вот Еремей у нас служил в армии, во время войны он награжденный, в общем, но мы его почему-то дядя Леня звали, Ерёма, или дядя Ерёма, дядя Леня.

00:13:15

Это получается еще...

Пять братьев у него было и сестра Арина.

00:13:20

У вашего отца?

У моего отца, а у моей матери, наоборот, пять сестер, один брат.

00:13:28

То есть, получается, дедушка... Ой, в смысле, отец вашего папы, ваш дедушка, он был священником?

Ну как они ведь, не то что они оформлены священниками, просто он вел все вот эти службы, ну кого-то надо, допустим, какой-то праздник обязательно, я помню, они же собирались в доме, допустим, собираются, сегодня, допустим, в одном доме, потом и в другом могут, кого-то надо покрестить, кого-то уже отправить кое-куда, в общем, вот такими делами. Но это я узнала вот года три назад, до этого я не знала. Это мне сказала двоюродная сестра, она же будет как... Отцы братья у нас были, у нее Иван, а у меня Поликарп. Иван Дементьевич, Поликарп Дементьевич.

00:14:32

А в семье между мамой и папой какие были отношения, и папа какой был человек, и какая была мама по-человечески?

Нормальные отношения были, они еще, они же с детства друг друга знали. Отец работал помощником начальника станции, вначале дежурным работал... Фу, дежурным, говорю, стрелочником работал, а потом, значит, дежурным по станции. У меня есть фотография, где они там, железнодорожники, и он на этой фотографии, что вот на обучении был.

00:15:11

А мама?

У него образование, сейчас подождите, скажу, у него образование было начальное только, но писал он очень грамотно всё. Но у матери тоже, по-моему, классов пять было образование. Она букву с перечерком писала, это старинная буква, буква «фе», по-моему. Между ними я ни разу не помню, чтобы были какие-то ссоры. В общем, жили они в хорошем всегда отношении друг к другу, любили друг друга. Почему? Потому что мать вышла за него по любви. И это было как раз уже, видите, 1929 год, и, видимо, тогда, когда раскулачивали деда, и она вышла замуж. Скорее всего, 1928-й, 1929 год. Почему? Потому что... Сейчас я вам скажу, как это получилось у них. Он на станции работал, и, значит, и комнату ему дали, и он мать привел туда, в эту комнату. У меня есть фотография, где мы на крыльце этой квартиры уже, вот, в [20]16 году фотографировались. Потому что я помню, где кто жил, и вот соседка, эта Груша, значит, наше крыльцо было отсюда, вот здесь, а их крыльцо вот здесь было, у этого здания, у станционного. В этом станционном здании жили. А потом нас, когда родителей арестовали, нас выгнали оттуда. И я помню, как мы переехали вот это же в починок Гилёво, дальний родственник там какой-то. По отцовской линии родственник, они уже не жили в этом, и два дома стояли, и мы жили в одном из домов зиму. А в 1938 году мы переехали в Муллы, Верхние Муллы. Есть здесь Нижние Муллы и верхние. Вот в Верхние Муллы переехали.

00:17:48

А можно тогда, давайте подойдем к вот этому дню, 7 июля, вы говорите, как это было? Вы говорите, вы всё помните хорошо?

В общем, отец в этот день не работал. Он с утра... С утра они поехали, мы к прабабушке, это Верещагинский район, Волеговский сельсовет или Томашовский сельсовет тогда был. В общем, деревня Реуны называлась. Прабабушка родилась в этом доме, и, когда расселяли поселки, ее тоже хотели выселить как в больший там поселок, она сказала: «Я родилась в этом доме, я умру в этом доме». Это, считайте, в 1930-е годы было, раскулачивание, колхозы организовывались. Прабабушка так и осталась, она не поехала. Дед потом умер, но деда я не помню, а ее отлично помню, потому что во время войны мы каждый год приезжали, и кругом там, что, считайте, их раньше было поселение шесть домов. Вот я помню, Зверев по фамилии, рядом жили, у меня есть фотография приемной дочери их, они уходили все на работу... В этом доме у бабушки четыре конюшни были. Там держали, раньше у бабушки был скот, а сеновал, на лошади, как он... мост был сделанный, туда они заезжали на сеновал, сваливали, лошадь разворачивали, обратно уводили. И вот в этих конюшнях колхоз держал телят, за телятами ухаживала, я помню, ее звали Устинья, Устя мы ее звали. Она приходила из соседней деревни, напоит, накормит — и снова отправлялась, но она нас постарше была. Тут семья жила, как дед с бабушкой жили, в котором доме, а рядом, через дорожку, их дом. Я помню, все уходило на работу, а бабушка у них уже лежала. И вот, чтобы ее напоить, накормить, я по бревнам в окно забиралась, напою ее, накормлю — и через окно снова выходила. Оказывается, когда мы разговорились, уже в возрасте были, невзначай встретились с родственницей этой, и когда она уже начала рассказывать кое-что, она-то больше помнила, она на 11 лет старше меня, она говорит: «А помнишь, а помнишь?» Я говорю: «А что помнить-то?» Пошли морковь помыть, там два... Колодец выкопанный, первым колодцем воду брали, он неглубокий был, но вода всегда была, а ниже колодец, где можно было ноги помыть, пополоскать белье, чуть-чуть ниже, метра, может, на три. И мы в этой... Она морковь нарвала, пошли мы мыть с ней. Считайте мне, если у нас разница 11 лет, это я примерно думаю, помню, она старше меня, и она морковки-то [не удержала], и они у нее упали туда вместе с ботвой. Она чуть не заревела, ей надо было морковки вымыть и домой нести. Она говорит: «Я на всю жизнь запомнила, ты моложе меня, побежала у бабушки взяла грабли, этими граблями морковки подхватила, вытщила». Я говорю: «Я не помню». Она говорит: «Ну я-то хорошо помню».

00:22:48

А было голодно, да, поэтому так важно было ни в коем случае?..

Нет, просто ей нужно было готовить, по-моему, морковки нарвала, хорошие, здоровые морковки с ботвой. И вместо того чтобы быстрее это сделать, она утопила их, а просто так наклониться — там метра полтора, может быть, ну, может, метр глубиной, но всё равно не полезет же она. Вот ей обидно было, она заплакала. И вот когда мы здесь в городе встретились, оказалось, в общем, я считала, что они с этой стороны троюродные, моим как двоюродному брату отца, а мы с этой стороны троюродные. Я думала, ну что, нашему забору троюродный плетень — далеко друг от друга. А когда стали разбираться, оказывается, их мать, вот этих, то, что я считала с той стороны троюродные, и Архип, и мой отец, они были, Архип и мой отец Поликарп, были двоюродные. А мы оказались троюродные, потому что это была родная сестра Архипа.

00:24:23

А вот если... Давайте всё-таки поговорим про день ареста.

А день ареста? В общем, с утра мы пошли в деревню Реуны, к прабабушке. А сейчас скажу, что надо. Мы с сестрой бежали по дорожке у деревни Горевские, там проходить надо было через болотину, лежали две жерди. Я перескочила по этим жердочкам, перескакала туда, а старшая сестра пошла и оступилась, и она ревела, что она замочила ноги и что у нее там... Отец брата вот этого среднего Павла нес на руках, они с матерью шли рядом с нами, а мы впереди бежали. Ну там мы были весь день, потому что это Иванов день. Иванов день — Иван Купала называли раньше. И вечером мы уже ближе к закату вернулись оттуда, и когда пришли, на крыльце сидели четыре или шесть, я сейчас не помню, милиционеров. Наум Плешивых уже был арестованный, стоял паровоз, он уже там на паровозе был, а вот ждали, когда Поликарп придет. Ну вот пришли, был обыск, искали там что-то, я знаю, что вроде у него ружье было, ружье забрали, потом матери деньги какие-то выплачивали за это ружье. Ну нас, конечно, не пускали в дом, но я видела всё, что они там всё разыскивали, обыскивали. И кладовка такая была там, вот на снимке потом покажу, и там, значит, был журнал «Нива», а у нас же не на чем было ничего, ни рисовать, вот нам это толстый такой журнал, это кто-то из дальних родственников проезжал, и кто-то привез вот этот журнал, и мы на этом журнале рисовали, обводили, красили, в общем, забрали у нас его в 1937 году. Нам было так жалко, это у нас такие были там красивые рисунки! Вот представьте себе журнал «Нива», он же толстый, это скорее всего, вот как я сейчас соображаю, это Санкт-Петербургский был, вот такие дела.

00:27:17

А как мама себя вела, как папа себя вел, когда вот они это обыскивали?

А как? Мы же, нас же туда не пускали, мы были или на крыльце, или возле дома, ну я видела, что они там всё шарили, перебирали всё, и потом, когда его тоже повели на этот паровоз, там не электричка была, а паровоз тогда еще был, и... Мать, они потом, на следующем, что ли, и Настасья Петровна, и мать ездили в Верещагино, и они виделись с ними, потому что, слова матери, отец ей сказал: «Аборт не делай, где трое, там проживет и четвертый». И всё, он сказал, 10 лет без права переписки, всё, больше, больше и его не видели, и не слышали никто. В 1959 году мы написали. Ну надо же всё равно узнавать, где и что. Мой муж писал, и в 1959 году нам ответили, что Гилёв Поликарп Дементьевич умер 11 марта 1945 года в городе Ирбит Свердловской области. Не было этого ничего, они уже оба были расстреляны в сентябре 1937 года. Один 23-го, по-моему, а второй 25 сентября.

00:29:10

Это вы узнали как?

А это сейчас у меня по документам есть это всё. Когда я стала разыскивать всё. Он сейчас как реабилитированный считается, но жизнь-то нам испорчена.

00:29:27

Как дальше развивалась ваша жизнь?

Ну как. Их увезли, а потом или на этот день, или на следующий... Скорее всего, на следующий, наверное, день, потому что вечером поздно же это было, на паровозе их всё равно не увезли, они поехали, вот Настасья Петровна Плешивых и моя мама, они поехали в Верещагино, а с нами была бабушка, это бабушка — отца мать. Мы спали, считайте, вот как заходишь, здесь прихожая, здесь кухня, дальше печка русская стояла, за русской печкой кровать стояла, а тут стоял сундук — или тут, или тут сундук был, — а сюда, здесь не было перегородки, а здесь в большой комнате на полу мы спали на войлоке, войлок был расстеленный. Первая с этого края была я, потом моя сестра, потом этот младший Павлик, он как третий будет, младшего-то еще не было, и бабушка возле стенки спала. Вот я ночью проснулась и говорю: «Бабушка, теленок зашел». Она говорит: «Какой теленок?» И на рассвете вижу: вот дверь открылась, вышел теленок, вот белый-белый теленок, вот там, где было подполье, как раз он остановился на этом подполье, это мне не блазило, а на самом деле я видела, так мне привиделось, я бабушке говорю: «Бабушка, бабушка, теленок зашел». Она перекрестилась, всё исчезло, это я хорошо помню.

00:31:42

Это в ночь после ареста?

Да. Скорее всего, да.

00:31:49

А как ваши... Сейчас. Надь, я так волнуюсь, что я потом...

Старшая сестра... Старшая сестра училась в Токарях в школе один год, а потом мы уехали вот в Муллы, жили в Муллах. Сейчас я вам скажу. Людей забирали на фронт в 1939 году, почему 1939 год, потому что на Финскую войну забирали новобранцев всех оттуда. Вот как я себе представляю, вот эта главная дорога идет в Савино, в аэропорт, а здесь где-то в сторону так немножко было, потому что на этой улице я жила с тетей, то есть материна сестра с мужем, как у них на квартире, а тут школьный двор, а вот здесь дорога была, и вот этих новобранцев, их очень много было, привели их туда. И почему говорю осень, потому что школа уже работала, значит, был где-то сентябрь, трава еще зеленая с желтизной была, это по цвету я помню. И вот здесь получилось так, что потом подошли машины, всех на машину посадили, этих новобранцев, и некоторые женщины на эти же машины как бы сопровождающими, хотели с ними поехать, а мы-то, шайка ребятшек, бегали тут, и идет офицер: «С этой машины две женщины сойдите, с этой машины, женщины, сойдите». И потом, точно не могу сказать, сколько там было, но мне кажется, машин пять было вот этих новобранцев всех, и на последней машине оркестр заиграл музыку. И во время войны я вспоминала, где я первый раз слышала эту музыку, я вспомнила. Они первое, что они заиграли «Прощание славянки»... Не буду плакать. Потом поехали машины, и последний на машине оркестр так и играл, дальше ехали.

00:34:43

Кто-то из ваших близких, кого-то забрали на фронт?

А на фронте служил у старшего брата отца, Каллистрата, служил в армии Григорий. У меня тоже фотография есть его. Он... в общем, он был раненый, у него протез был, ступни не было на одной ноге, всю войну он прослужил, это мой двоюродный брат, а второй двоюродный... А, он троюродный уже будет, вот как раз Архипа сын, сейчас я вам скажу... Его взяли на Финскую, он всю Финскую служил на Балтике, он был рулевым или дежурным, как он там называется. Капитан и он, они друг друга сменяли, скорее всего, рулевой, наверняка, или я не знаю, как они по должности считались, во время войны. Можете представить, что с 1939 года — и он до конца войны служил, и у него чуть-чуть у пальца было оторвано. Попало ему осколком, капитан пришел сменить его, капитан насмерть, а этому вот только вот это. За всю войну. Но он пришел, он потом женился, трое детей у него было.

00:36:41

А как вы жили в войну? Как ваша семья...

Очень плохо жили, очень плохо. Потому что вот когда на Липовой Горе жили, ну вот считайте, после Муллов мать устроилась на работу в столовую, там посуду мыть, уборку делать, в общем, на раздаче, я знаю, что... Так, сейчас скажу, как звали... Тетя Поля была повар, и она же как заведующая, а мать как помощница. А Липовая Гора — это было учебное хозяйство сельхозинститута. Значит, там столовая, вот если поедем туда, я покажу, этот дом стоит, двухэтажный белый дом стоит, а мы жили вначале на Первой Ферме, так назывались поселки, а когда нас потом поселили в этот вот белый дом... Белый почему: двухэтажное белое здание, называли всё время белым домом. А здесь стоял барак, барак называли «Дзержинский», тут рядом магазин был. Сейчас скажу, это какое время было. Перед войной парашютисты с аэродрома, их на самолет, самолет подлетал, и они оттуда прыгали, и вот мы бегали, смотрели: парашютисты спускаются. А потом война началась. Война началась, ну я уже первый класс закончила. Кстати, когда зимой мы с этой, когда на Первой Ферме этой жили, зимой в школу ходили, уже было очень холодно, и вот напрямик к школе пройти невозможно было, почему, потому что школа — это бывшая церковь раньше была, она сейчас до сих пор стоит... Сейчас я уберу эту слезину, она зачем-то вышла... И тут нельзя было ходить, и мы ходили мимо белого дома вот так в обход к школе, я шла, там всё прошла уже, осталось до школы, может быть, с километр, полкилометра, не знаю сколько, в общем, от белого дома я отошла, у меня руки-ноги замерзли, я идти не могла, и шел... У нас он был военруком в школе, у него не было одной руки, он с фронта пришел. И он подходит и спрашивает: «Что сидим?» «Замерзла». А что мне надевать — вообще нечего было, на ногах шубинки были сшиты, что там было, галоши были или как, но я знаю, что ноги у меня замерзли и руки замерзли, потому что он присел, говорит: «Держись за меня». Я, значит, за шею обняла его, он одной рукой намахивал шел, а второй-то руки у него не было. Он пришел в школу, он такой дал раздрай директору совхоза, насколько я помню, фамилия его была Чазов, почему, потому что учительница первая моя была тоже Нина [нрзб], я не помню, но она была тоже Чазова, поэтому я запомнила.

00:41:01

А как... Извините, я вас перебила?

Ничего.

00:41:05

Я хотела спросить, как ваша мама, когда вашего папу арестовали, как она, скучала по нему, не скучала, вы говорили...

Конечно. Конечно, она скучала, тем более нас уже четверо было, она же четвертого уже родила. И как раз... Сейчас я скажу, вот когда меня этот военрук принес в школу, у меня руки-то околелые были, притащили снег, я помню, мне руки натирали, лицо тоже оттирали, а он разгон дал директору, и потом нас, вот пока холодно было зимой, нас утром увозили на лошади до школы, и когда занятия кончались, нас увозили с первого по четвертый класс, в общем, кучу там насадят пацанов — и увозили. То есть он разгон дал хороший, это я хорошо помню. Потом, когда война началась, 22 июня 1941 года, мы как раз с Липовой Горы ехали, нам лошадей дали, значит, на лошади, ну что там, у нас пожитков-то почти не было, вот младший брат вспомнил, что ему дали банку трехлитровую с яйцами, посадили, а ему что, в 1941-м-то три года было, он говорит: «Я хорошо запомнил, что мне сказали только: разобьешь яйца — жрать нечего будет». И он держал эту банку, он говорит: «Я до того дрожал над этим, чтобы не свалиться». Мы-то пешком шли с Липовой Горы на Бахаревку, а на Бахаревке строили, станция Бахаревка — это от Перми второй, следующая станция, там строили вторые пути, то есть один путь был, а тут второй, и вот там рабочих, кто строил вот эти пути, мать приняли туда, в общем, столовая была, как бы от Заготзерно, и от этих, в общем, был там зал, приходили вот эти рабочие, там что приносили, привозили готовить, я помню, кашу какую-то варили, там суп, приходили по партиям вот эти: покушают — и снова шли на работу.

00:43:58

А ваша мама рассказывала, что произошло с папой?

А что она может рассказать? Она вот знала, что его посадили, и всё, и больше ничего.

00:44:07

Но вы не обсуждали это в семье?

А как, кто со мной будет что рассуждать? Рассуждали, вот я вспоминаю, что я вспоминаю, я много кое-что помню, вот почему я начала родословную-то записывать? Я ведь спорила с этими, пожилыми уже и с молодыми: вот этот этой семье принадлежит, этот — этой и этот — вот этой. И вот как я определяла, кто из них родственники, кто ближе? И вот представьте себе, что по материнской линии я в четвертом поколении, а по отцовской — в пятом. Это значит, я четвертое поколение этих всех уже знала, поэтому по фотографиям их всех могла узнать. А вот считайте, мои дети, они уже были в шестом поколении, мои внуки были в седьмом, а у меня три правнука, они уже в восьмом поколении. Вот такая длинная родословная. Когда стали разбираться, вот с Архиповыми, родней мы разбирались. Я считала, что мы с этой стороны троюродные, а не с этой, это дальние поколения. А вот когда разобрались, оказывается, что она сестра Архипа. Так что...

00:45:50

А вы можете еще что-то рассказать про свое детство? Как вы учились, кем вы хотели стать?

Кем я хотела стать? Да мы единственное что — домой придешь, хоть бы что-то поесть. Карточки же давали, что там. Я помню, ну вот в 11 лет, я вам начала рассказывать, что я заработала первую зарплату. Это летом заработала. Белые платки головные, помните, с каймой у бабушек были. Вот мне, когда я им нашла всё это, считайте, две девочки, мальчик, уже такие, они ведь все старше меня уже были. А мне 11 лет тогда, 11 лет — это в 1943 году. И получалось так, что, когда я домой пошла, считайте, я там у них жила, я у них питалась же, она в этот платок мне вот такую вот крынку со сметаной положила, кругом яйцами обложила, творог, что-то тоже там положила. И трехлитровый бидон молока. Это я в таком виде от деревни Корочата, в Корочатах было, до Реунов я шла и вот это вот несла всё. Это моя зарплата первая в 11 лет.

00:47:25

А расскажите еще раз, чтобы ничего не ушло, как вы пошли, подробности?

Ну как. Когда пришла к дядьке, он бухгалтером работал в колхозе, и вот женщина эта пришла и говорит: «Кто твоей племяннице платья шьет? Я, — говорит, — сколько смотрю, у нее все они разные и не как у всех». Говорит: «Да сама она». «Как сама, в 11 лет?» Ну и вот она говорит, что у нее трое детей и что вот одевать уже нечего, они же выросли. Считайте, в 1941-м война началась, тут уже 1943-й, даже и уже лето. В общем, продали меня к ней. Я пошла к ней на заработки. Жили они там в деревне Корочата, а кто и как зовут, я уже сейчас не помню. Я знаю, что мальчик, мальчишке я сшила брюки, шила рубашки, девчонкам и платья, и блузки были, и юбки там. В общем, если где-то недели две я у них жила, значит, что-то я делала. Я знаю, что они уходили матери помогать в колхозе, где она работала, я не помню, но я знаю, что они уходили ей помогать. Может, она телятницей работала, может, на скотном дворе, может, в огороде, ой, в огороде — в поле. В общем, это я не знаю, не помню. Почему, потому что вот так вот меня отблагодарили. А я не против была.

00:49:10

А потом вы еще шили дома, как вы... Или подрабатывали?

А как получилось. Когда мы жили на Бахаревке, на станции-то, потом мы переехали на Леваневский поселок, а Леваневский поселок — это поселок людей, которые работали на заводе Свердлова, на «Велте», «Велта» тогда не «Велта» была, тогда велозавод был, велосипеды делали. Мы там жили в бараке, ну можете себе представить, ну коридор, ну вот ширина, скорее всего, вот так вот была, 27 комнат по ту и другую сторону. Комнаты какие там. В начале там в 1946 году было общежитие. 1946-й — это мне было 15, 14 даже. В 1947 году я устроилась на работу в завод. Так, я в 1947 году... Детская карточка была — 300 грамм хлеба, а иждивенческая — 250. Но мне так как 16 лет не было, мне давали детскую карточку. И, значит, чтобы устроиться на работу, мне сказали, что вот рассыльных надо, как курьеры, в завод — и могут принять. Ну пошла я. Я говорю, так мне еще 15 лет нету, в 1947 году-то. И меня ребята, в общежитии которые жили, научили: «А ты возьми свидетельство о рождении сестры, она же на два года тебя старше». Ну вот когда я заявление — обман — когда заявление я написала, я подавала свидетельство. Она Ираида, а я Зинаида. Буквы легко исправить. Я, значит, два

месяца я оформлялась. Четко было написано, красным жирным карандашом были подчеркнуты: отец репрессирован в 1937 году, и т. д. и т. п. И когда я к нему пришла подписывать уже пропуск в завод, он смотрит и говорит: «Как я тебе мог подписать, тебе еще 15 лет нет». Ну тут, конечно, слезы. Я говорю: «Ну видите, кто я и как я. Я же могу это делать». В детской школе я всего три класса закончила. А тут, значит, с четвертого класса я... Даже в девятом уже училась, когда замуж вышла. И, значит, тут получилось так, что... Сейчас, не собьюсь, скажу. Запуталась.

00:52:57

Вы устроились на завод.

Я устроилась на завод.

00:53:01

И вам всё-таки, вас не хотели пускать.

Он не хотел подписывать вначале, а потом подписал, так как мне 15 лет исполнилось осенью.

00:53:18

И вы проработали там.

Я, да. Я получила первую зарплату. Оклад у меня был 287 рублей. А буханка хлеба стоила, наверное, 200. Потому что мороженка, вот такая стограммовая, вафлю ложили вниз, потом мороженое накладывали сверху, вторую вафлю, разрезали на четыре части. И я с зарплаты купила вот эту четвертую часть мороженки. Жалко мне было, я получила 120 с чем-то рублей. И мороженка такая стоила 12 рублей. Это, значит, я за 3 рубля купила. А мне надо было на ноги купить что-то, у меня не было ничего. Ну я потом купила галоши, вот на эти туфли, что у меня были, у которых рот открывался уже.

00:54:22

А мама ваша работала?

Она уборщицей работала в общежитии. И так потом, когда в общежитии более взрослые стали, ее перевели в мойку. То есть там построили типа прачечной. Деревянные колоды, приходили из общежитий там стирать. Она занималась обслуживанием вот этих, с кого-то копеечки там собирала, еще там чего-то.

00:55:06

А братья и сестры ваши как жили?

А братья жили, ведь мы же вместе жили все тогда. Так, я в 1947 году устроилась работать, а старшая сестра, ее мать всё время прикрывала, она ей была любимица, тем более старшая. Она устроилась на работу только в 1948 году, а я в 1947-м. И она моложе на два года. Ребята учились, и Евгений, и Павлик, они учились. И я потом от матери ушла в общежитие жить, потому что там было невозможно уже жить.

00:55:56

Почему?

Вот такое отношение было.

00:56:00

А вы про это расскажите, пожалуйста.

Ну как? Вот у нас... Нас четверо, и мать делила нас: двое ее, а двое не ее. Я имею в виду отношение. Все любимчики, старшие и младшие, а мы, двое средних, были никто.

00:56:27

Почему так получилось?

Ну вот так вот получилось. Я откуда знаю сейчас, я не могу даже сказать. Но я знаю, что мы всегда с этим Павликом были вместе. И вот когда я ушла в общежитие жить... А это даже скажу, когда. День выборов был в 1950 году. Вот я тогда ушла в общежитие, дали мне комнату,

койко-место, по-русски сказать. И Павлик закончил седьмой класс. Мать его посылала работать. Я же сейчас им никто, им не надо меня ни воспитывать, ничего. Я самостоятельная была. И Павлик пришел ко мне в общежитие и говорит: «Что мне делать? Мать посылает меня работать, а я учиться хочу». А я ему и говорю: «Иди в вечернюю школу, — а я сама уже в вечерней школе училась. — Иди в вечернюю школу, в восьмой класс, девятый и десятый». А он рисовал хорошо. Говорю, где-нибудь оформителем или там где-то что-то. Вот он как бы подрабатывал немножко на этом. И он учился в вечерней школе. Закончил десятый класс. Потом уже во взрослом [возрасте], уже потом, уже наши дети выросли, как-то мы с ним встретились, перед тем как он умер в 2002 году, до этого где-то мы с ним встретились. Он говорит: «Хочешь, я покажу свидетельство об окончании десятого класса?» Все пятерки и одна тройка по русскому языку и литературе. Почему? Потому что они не могли дать ему ни золотую, ни серебряную медаль, а чтобы не дать, они ему поставили тройку. И директор сам сказал, что они видели, как он учится, и они сказали: «У тебя тут всё в голове есть. Ты пойдешь поступать, — он поступил в горный институт, — пойдешь поступать, хоть какой конкурс будет, ты всё равно пройдешь».

00:59:10

Они не могли поставить ему из-за того, что отец репрессировал?

Нет.

00:59:14

А почему?

А потому что он в вечерней школе учился восьмой, девятый, десятый класс. А начальная школа — у него не было этого.

00:59:25

А вы вот работали, потом вы еще учились?

Я в вечерней школе училась с четвертого класса. Четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой. Потом, когда вот уехала, на целину забирали, я уже забыла, какой год был, 1955-й, наверное, да? Примерно. 1955-й, скорее всего. Потому что... Да, 1955-й, скорее [всего]... Вот в апреле месяце я уехала в Томск к бабушке. Летом-то я им там помогала. У них огород был. С дедом ходила помидоры, допустим, нарастили, на телеге возил. Тележка такая у него была. Помидоры продавать. Я ему помогала. Там в Томске же везде такое. И потом приходила, его встречала, помогала. Они жили... У них козы были, куры были. Держали они, свой дом держали. У них был собственный дом. А потом, когда... У младшей сестры матери, она на лето сына из Средней Азии отправляла. Почему она оказалась в Средней Азии? Потому что старшего ее сына... У меня на фотографии двухлетний есть. До этого я вообще его никогда не видела. И вот когда я устроилась уже на работу выходить, вот как бы мне завтра-послезавтра выйти на работу, она прислала с соседкой деньги, что «привези мне Сережку», то есть племянника. Та уехала забрать своего сына, обратно заехала, забрала. Мне какая разница. Я была очень легкая на подъем. Тут то же самое. Приехала в Среднюю Азию. Я хотела... Я пошла в вечернюю школу учиться. Скорее всего, это был, наверное, август. Потому что школу... Раз я в школу поступила, значит, где-то в это время было, когда я к ним приехала. Они мне сказали: «Будешь у нас дома». Они работали, так, сейчас скажу... У нее муж был грузин, отец вот этого Сережки, они не зарегистрированные были. То, что они вместе работали, она как буфетчица, а он тут же рядом с ней. И там же у них работали узбеки. Манты делали, варили там манты, у них были такие вкусные всегда. Я приехала, считайте, в августе, я пошла в вечернюю школу. Я сидела вот с бывшим моим мужем, двоюродной сестрой. Его двоюродная сестра сидела за одной партой. Таким образом на танцы мы пришли, познакомились. А познакомились мы уже... после Нового года, по-моему.

01:03:12

Вам сколько лет было?

Да. Сколько, двадцать... В 1956-м 24-й год был мне. После Нового года. Почему, потому что мы познакомились 28 марта.

01:03:30

С мужем?

Да. Почему? Мы пришли с ней на танцы. Она раз — опять выбежит туда, смотрит. Я говорю: «Кого ты ждешь?» «Да брат должен прийти». Ну что, я говорю: «Так какой он из себя?» Вот

она мне рассказала, какой он. Я говорю: «Видала, он вот здесь всегда возле оркестра стоит. Когда-то танцуют, когда-то чего-то». Раза три вышли. Я говорю: «Да вон твой брат пошел». Я повернулась и пошла танцевать. И они, значит, подходит она. Познакомила нас. Он пришел с другом. Друг пошел провожать его сестру. А этот пошел провожать меня. Это 28 марта. А 1 апреля мы шли... Ну, свидание назначено. Шли мимо ЗАГСа в Узбекистане. Это сейчас скажу... Город Хаваст, Узбекская ССР. Это между Ташкентом и Ленинабадом. Помню ведь еще. Он говорит: «Зайдем в ЗАГС?» Я говорю: «Зайдем». Думаю: 1 апреля, ты мне это самое, это самое... Нет, я тебя сейчас выведу на чистую воду. Я говорю: «А долго, что ли, сходить?» Он говорит: «Паспорт с собой?» Я говорю: «Да вон, долго ли сходить вот тут?» «Пошли». Паспорт я взяла. Держусь, чтоб мне не расхохотаться. Заявление написали. А написали заявление, и его друг тоже тут, знал, что мы пойдем... Мы пошли. И он знал, что мы пошли подавать заявление. Начинает... Я выдумывала. Что я только ни напридумывала, он на всё соглашался. Я сказала: «Мы отсюда уедем». Он: «Да, я согласен». А он работал токарь-универсал в депо троллейбусном. Потом я придумала, что мы никому не будем говорить, свадьбы не будет. Проживем 25 лет — сделаем свадьбу. Согласен. Что-то я еще там много выдумывала. А самое основное, что никто никого не покупает. Там надо было платить 15 рублей. Платим по 7,50. Согласен. Самое смешное, что... Согласен, да? Вот пришли, 1 апреля заявление подали, на 14 апреля у нас назначено. А сестра где-то 6-го или 7-го, она говорит: «Да ты что? Он матери написал письмо уже». Я говорю: «Да я не собираюсь за него замуж выходить». «Да ты что, парень хороший». В общем, ода хвалебная пошла. Я думаю: какая мне разница? Ну не пойду я регистрироваться с ним. Она давай меня уговаривать. Потом подружка ее начала меня уговаривать. Я говорю: «Может, не стоит за него замуж выходить. Он не тутошный, я тоже не тутошная. У него ничего нет». Он говорит: «Поедем на север в Печору, — у него там тетка по материнской линии. — Туда поедем, устроимся на работу, всё это будет». Ну всё, 14-го пришли регистрироваться. Я ему отдаю пятерку и тройку. И жду, когда он мне сдаст 50 копеек. А он не сдает. Он мне не сдает. Я, значит: ага, я тебе сейчас тоже устрою. Значит, он берет мою тройку, пятерку, берет свою десятку и мою пятерку, подает, расплатились, выдают нам документы. А меня смех долит. Чтобы не расхохотаться. А потом, значит, когда документы выдают, я говорю: «Не хотел продаться за 15 рублей — продался за рубль». Он говорит: «Как за рубль?» Я говорю: «Я сколько тебе дала?» Он говорит: «Восемь». «А значит, ты сколько заплатил?» «Семь». Он мне сует 25, десятку сует, сотню. «Нет, я тебя купила за один рубль. Ты самый дешевый мужик». Так что вот я вышла замуж таким образом. Сели мы ночью. Он, как железнодорожник, выписал билет до Печоры. До Воркуты выписал. Ну Печора там по пути же. Вот 11 контролей прошли. Все ничего, не догадались. На 11-м контроле, значит: «Ты же рассчитался? Как это?» Он говорит: «Так... Нам вот осталось...» Вот уже после Котласа было, до Печоры совсем немного. Мы говорим: «Вот мы до Печоры едем». Всё, они, значит, там, вроде они не заметили. Я говорю: «У нас багаж сдан только до Печоры». В общем, вот так.

01:09:36

А почему не заметили? В чем?.. Это было как-то...

Если он рассчитался, а билет выписанный раньше. И потом 25 лет исполнилось, мы сделали свадьбу. 16 пар было нас, дома у нас. Все, возраст такой уже был солидный. Считайте, всем уже за много лет. Так что вот таким образом я вышла замуж.

01:10:09

А он знал про ваших, допустим, про ваших родителей? Про то, что у вас отец репрессирован?

Никто ничего не знал. То, что я говорила, он знал, что я репрессированная. Он с Оренбургской области. Вот когда мы ехали на поезде, уже билет выписан, ехали на поезде, подъезжая к Сорочинску. А Сорочинск — это между Куйбышевым и Оренбургом. Здорово я географию знаю. Значит, в Сорочинске он когда дал телеграмму, пришел встречать его брат младший и старшая сестра. И еще в поезде он сказал: «Если будут приглашать нас обоих, мы сойдем, съездим к матери, 40 километров до них надо на автобусе ехать». А они стоят, Юрка смотрит, ничего не говорит, а старшая сестра: «Толь, ну останься, Толь, ну останься». Ни разу не сказала: «Толя, останьтесь». И всё, заходим обратно в поезд. Я говорю: «И что ты решил?» Он говорит: «Они меня приглашают, а тебя — нет». И всё. И уехали мы в Печору. Приехали к родственницам к его, у них двухкомнатная квартира. А она тоже репрессированная, то есть раскулачили родителей, и у них семья была девять человек, девять человек детей. Она была самая младшая. Значит, кто-то успел разъехаться в Ташкент, кто-то в Минск, в Беларусь я имею в виду, кто-то на Украину. И здесь получается так, что, по-русски сказать, она самая младшая, ее выслали в Коми ССР. Замуж она там вышла, он бывший офицер, и он тоже был туда сослан, офицер Белой армии. Белой армии почему, потому что у них родословная такая была, что они все офицеры. Вот таким образом. И здесь получается, что... он, зная о том, что у него специальность токарь-универсал, а у них судоремонтный завод, надо было токаря, и он начальнику позвонил, тот, значит, сразу... На второй день у меня мужа забрали на работу уже, сразу на работу. Ну а мне

пришлось подождать где-то недели две, я в пароходство устроилась потом, приемо-сдатчицей. И где-то, ну там быстро, наверное через месяц, нам дали комнатку 10 метров. Вот таким образом оказались там.

01:13:51

А как вы здесь оказались, в Пермском крае?

А так я родилась-то здесь, и получилось так, что муж не мог выносить там, по-русски сказать, атмосферное давление выше, и у него тромбофлебит был, варикозное расширение вен, он постоянно там каждые два месяца сдавал кровь, иначе у него переполнялось. Ему было плохо там. И когда у нас... Это в 1956 году было, в 1959-м у нас родился сын. Мы подхватились оттуда, поехали, а у него мать болела, и мы поехали в Оренбургскую область. Ну до этого мы в отпуск к ним ездили, еще я в положении тогда была, со своим старшим сыном. И получилось так, что мать, рак у нее был, в тяжелом состоянии, сестра с мужем разошлась, у нее двое детей и, в общем, печальное состояние, и надо было дом достроить. Там обычно, как они — собираются родственники, знакомые и начинают мазанку вот эту, дом из саманных кирпичей строить, вот дом, вот сестре вот этот дом строили. А потом, значит, когда... Лето-то он строил, а осенью он поехал в Новокуйбышев[ск], там у него двоюродные братья были, они его тоже... У него специальность раз токарь-универсал, моментально его везде брали, тем более...

01:15:51

То есть вы приехали сначала в Оренбургскую область, а потом уже в Пермский край? Да, как?

А потом получилось так, что он уехал в Новокуйбышев[ск], а я осталась там у сестры у его. И зимой я к нему приехала, там тоже у родственников жили, но считайте, они тут, а мы вот тут, в одной и той же комнате. Потом, значит, я... каким-то образом надо было... А, надо было мне поехать в Пермь, мать-то здесь жила, я приехала, они, значит, что, давай устраиваться на работу.

01:16:36

У вас с матерью были сложные, в общем, отношения?

Я не возникала, но я всё держала в себе. Обид я никому не прощала, никогда. И вот когда в подростковом возрасте, знаете, кто-то начинает травить или еще что-то, я единственное, что... Помню очень хорошо, что вот по Комсомольскому проспекту гуляли туда-сюда в субботу-воскресенье или по вечерам, и вот там решили, значит, пацаны надо мной подсмеяться. Ну, мне, наверно, 18 уже было тогда. Начинают издеваться. Я говорю: «А чего вы захотели? Я дочь врага народа!» Фить — возле тебя вообще никого нет! Можете представить такое? А мне понравилось это, что я думаю: я этим вас распугаю всех. Дралась я с парнями, было дело.

01:17:45

Расскажите, какие-нибудь еще такие истории есть у вас?

Чего-чего?

01:17:50

Ну, такие истории еще есть у вас?

Ой, у меня их много.

01:17:53

Ой, расскажите, особенно если из-за врага народа, из-за того, что вас обвиняли в таком, ну или вот...

Ну, вот... Тут, видите, как получалось еще: надо оскорбить человека, а я оскорбления эти не принимаю. А раз не принимаю, значит, я должна их оскорблять. Ну, и вот я один раз взяла и сказала вот такое, фить — и никого не стало. Тут как-то так же самое гуляли по проспекту от завода Свердлова до Комсомольской площади. Вот как раз тут такое гуляние всегда было. Молодежь же всегда тогда была. И вот один, значит, он работал в нашем же цехе, и он выпендриваться любил. То есть очень ему нравилось показать, что вот он тут живет. Вот он — раз, смотришь: он идет в одном костюме, потом — раз, идет, костюм у него снят, и он идет в какой-то рубашке уже по другому кругу. Потом, значит... А мы шли, ну это уже война закончилась, да, ну, в 1950-х, наверное, годах, начало 1950-х годов. Да, я еще не замужем была. И парни решили над моей подружкой посмеяться, значит, в ряд человек шесть шло, а

они по этой стороне. Он, значит, оттуда оторвался, подошел и говорит: «Девушка, у вас комбинацию видать». Она вот так повернулась и говорит: «А что, ведь шелковая?» Как все грохнут, и парень убежал, и он больше не появлялся. Так что было дело.

01:19:58

А вот вы вернулись, и с мамой не наладились у вас отношения?

Вначале вроде я простила, наладились, а потом мы вообще рассорились с ней.

01:20:09

А расскажите, вот как у вас с мамой складывались отношения?

У меня всю жизнь с ней были натянутые отношения, потому что раз она ненавидела ни меня, ни младшего брата, [то есть] ни среднего, младший-то их был, так что я тут не давала себя в обиду, но и не грубила. Я просто не обращала внимания, и всё. А последнее, что мы поссорились, когда... Когда вот он же сюда вернулся в Пермь, мы жили в бараке.

01:20:48

Кто вернулся?

Я с мужем и с ребенком вернулись сюда, у нас дочери тогда еще не было. В бараке жили, где у матери комната была, а у нас койка стояла там. Написали заявление, муж стоял пятый на очереди. Как вновь его приняли, хорошего специалиста, его в очередь поставили, он пятый стоял на очереди. Пришли, предлагают. Там комната была в бараке 24 метра на два окна. А пришли, предлагают комнату 18 метров на шесть человек. Я сразу говорю: нет. Мы остаемся здесь в бараке, а они вот, пожалуйста, трое, брат, сестра и мать, они не согласились. Тогда, значит, снова приходят предлагают трехкомнатную квартиру, бывшее общежитие расселенное, и нас в этот... как большая комната, а тут две комнаты еще, через большую комнату. Брат, мать — в одной комнате, мы — в маленькой комнате, а это как общее у нас уже было. И вот получилось так, что мать написала на моего мужа клеветническое письмо: «Житья от него нет, он дебошир, пьяница». Тогда товарищеские суды были, а если я никогда подлости не прощала, я тут тоже не простила. Таким образом, а товарищеский суд... А председателем товарищеского суда была соседка в нашем же подъезде, она говорит: «Так вот они сколько лет здесь живут, я его в жизни ни разу не видела пьяным. Один раз видела выпившим, так они шли со свадьбы». И им нечего делать. Ну и всё, решили мы разменяться через суд. Я соглашалась, как у мужа на работе, сказали, что комнату выменивайте, комнату метров 18–20, сдадите ее заводу Свердловца, а вам выдадут квартиру. Вот таким образом получилось, что...

01:23:50

А вы с мамой после этого не общались?

Я больше не общалась с ней. Почему? Потому что прийти в суд и сказать такое, тем более она уже поднаврала много, но это не ее слова были, это ее подбил, скорее всего, вот младший брат. Я с ним около 40 лет, я вообще с ним не якшалась. И вот только в 2016 году, когда табличку поехали ставить, я позвонила ему, сказала: «Поедешь?» Он сказал: «Поеду». Сейчас иногда мы по телефону общаемся, а так нет. Так что вот такие дела. Я подлости никому не прощала никогда. Подружку я себе отбила. Так, сейчас скажу, когда... В 1948 году мы с ней познакомились, шли с танцев. У меня подружки все старше меня, а почему-то я ими командовала. Я моложе, но командовала ими. И они тут проходили, смотрю, девчонка, видно, что не этой команды-то, а я этих двух девок знала. Значит, по-русски сказать, она пригласила эту девчоночку, которая жила в деревне, приехала как их деревенская, и они решили, что три парня, три девки. В общем, девку вели на заклятие. Поняли вы меня, да?

01:25:40

Я не знаю, что это такое.

Ну, подставить вот эту девку. Те девки были такие, оторвы. Вот и эту хотели то же самое. А мне она понравилась. Я подошла к ней и спрашиваю: «Ты хорошо этих девок знаешь?» Она говорит: «Нет, я только одну знаю. Она наша деревенская». Мы у нее спросили, где она живет. Она сказала. Я говорю: «Хочешь, мы тебя проводим». Потому что наш последний барак через овраг, к ней туда, на Загарье. «Мы, — говорю, — тебя проводим, ты там мостики перебежишь, крикнешь» А там ей два дома только идти от этого оврага. Ну и всё, пошла она с нами. Те, значит, восставать. Парни пытаются ее тянуть с собой, а она вроде сопротивляться, а вроде как... Ну, подошла я, сказала пару слов. Я материться не материлась, но я прямо сразу сказала. Я говорю: «Что? Мало тебе других девок, что ли, вон иди и дальше с их подружками, а

эту оставь мне». Они решили подняться, а тут как раз тополя опиленные были, куча этих палок. А нас было человек шесть девчонок. Я говорю: «Девки, вооружайтесь». Они палки вот эти взяли. Потом эти две девки им скомандовали, что оставьте их в покое. И ее тоже. Вот таким образом... Вот два года назад она умерла, вот мы с ней дружили с тех пор. Хорошая подружка была. Вот когда у меня муж умер, они на похороны приходили, и она, и ее сестра младшая, брат у нее уже умер тогда, не было. И, ну, что-то сидели, откровенничали, она говорит: «Вот я тебе всё расскажу. Знаю, что это надо сделать вот именно так. А сестре я, — говорит, — даже родной сестре я не могу ничего рассказать». Так что я хорошо, я вообще про всех всё знала. Мне всё, старший, младший, мне всё, мне рассказывали всегда. И до сих пор.

01:28:29

Когда Сталин умер, как это всё было?

Это я в заводе Свердлова работала, там, значит, сразу объявили: «Сталин умер 5 марта 1953 года», насколько я помню. Митинг: «Сталин умер, Сталин умер». Ну, многие плакали, потому что война кончилась, неизвестно, что будет дальше, кто будет это самое. Ну, а потом Молотов, Маленков, и пошло.

01:29:01

А вы плакали?

Может быть. Но я навзрыд не ревела, я могла вот так выпустить слезу.

01:29:11

Хотя вы понимали, что Сталин ответственен за репрессии?

Кто тогда чего знал? Это 1953 год. А 1953 год — это еще ничего не значило. Потом, когда начался Молотов, Маленков, Берия, там еще кто.

01:29:34

А вы, как вы думали, кто ответственен за то, что вашего папу посадили? Ну, расстреляли.

Так потому что вот мой отец и Плешивых Наум, они между собой не родственники, а вот у Наума 12 родственников. Его 12 родственников посадили в эти дни как раз. Но это у Чернышова надо узнавать, он знает, он хотел сделать полностью список.

01:30:15

А почему именно так семью, целую семью, за что?

А вот я скажу, значит, среди них был... Наши-то уже в возрасте мужчины, а среди вот этих молодых был, 25-й год ему было, он должен был жениться на девушке, которая, ну там из их или из соседней деревни, в общем, а этому, который на них писал клязу, на всех вот этих 12 человек клязу писал, значит, ему надо было женить сына на ней. Этого посадили, но его не расстреляли, почти всех расстреляли, а его на поселение, потому что молодой, здоровый, 25, 25-й год, по-моему, ему было. Он тоже, по-моему, Плешивых был. Он вернулся, скорее всего, в 1949-1950-м годах. Он когда... Вот рассказывает, мать рассказала, он обошел всех своих родственников, тех, кто знал, и моего отца знал, и этого. Все семьи эти обошел. Вернулся он в свою деревню туда, шел он по деревне, а там молодежь еще, дети-то были, его узнали, и узнал вот этот подлец, который писал на него клязу. Не на него только, на всех остальных. И вот мать рассказывала, что кинулся ему в ноги: «Прости меня, пожалуйста, я виноват» — начинает. А он ему сказал: «Встаешь на коленки и ползешь до своего дома, расскажешь своему сыну, снохе, — а у них уже двое детей, — расскажешь всю правду, если она простит, а я подумаю». Ну что, там в деревне сразу сбегаются все, кто в окно, кто в двери, но он рассказал, и этот сказал: «Вот теперь ты всю знаешь правду, хочешь, оставайся с ними, хочешь, поехали со мной».

01:32:59

Девушке этой? Он всё-таки женился на ней, вот этот подлец?

Женили, да, женили. Двое детей у них уже было, и вот она в сумку, говорит, покидала детские вещи, и вместе с ним они уехали.

- 01:33:19 **Детей оставила?**
- Детей забрала. Документы. Забрала документы, и всё, оставила подлеца. Как он, он же читал, что там написано: травил колхозного скота, подрывал колхозный строй, и т. д. и т. п. — вот этот писал. А этот когда был там на поселении, ну, деревенские, ведь они услужливые всегда были, и сейчас они такие же, и, значит, он, по-русски сказать, попросит его этот вот начальник поселения-то помочь там семье, еще что-то, подвезти, подать, поднести, и вот он, значит, в нормальных отношениях, к нему относился нормально, ну он же видел, что нормальный парень. И всё, его в 1947 году, значит, он отсидел, отпустили, но он еще не мог уехать, он где-то был на островах. Он не мог уехать, и он тогда вот у начальника этого попросил: «За что я сидел, можно мне прочитать?» Ну всё, он дал ему прочитать, поэтому он знал, за что он сидел. Вот он когда родственникам всё это рассказал, и всем всё ясно стало.
- 01:34:51 **Скажите, а он с вашим отцом сидел?**
- Нет, нет.
- 01:34:55 **Он не смог?..**
- Так этих в одно место сразу, тех, кого на расстрел, их без права переписки, а в сентябре-то уже расстреляли и Наума, и моего отца. Но в 1959-м сообщили, что он, вралька, что он в 1945 году 11 марта умер от брюшного тифа, в Ирбите. Это вот должна я помнить это все? Я все... Почему я помню вот эти все даты, я не знаю, но память-то у меня неплохая.
- 01:35:37 **Это точно. Я вот можно еще вернусь к этому моменту смерти Сталина? Просто такая вежа, вы почувствовали что-то после того, как он умер, в воздухе, и вообще как бы насколько, как вам, чувствовали ли вы фоновый страх, например, постоянный?**
- Так, считайте, в 1953 году, да, 1953-й ведь был год, в 1953 году мне было 21-й год, да. Какие могут быть у меня, если я пережила столько, и тут еще, ну, может, капнула, может, слезинка, но такого переживания, что вот «Сталин умер, что сейчас будет», вот те, кто в возрасте, у тех было уже «А как мы, а что». А что будет, куда денется Советский Союз? Вот у тех, кто в возрасте был, а мы что еще тогда?
- 01:36:40 **Так может быть у вас, наоборот, облегчение было?**
- Никакого ни облегчения, ничего. Отца нет, отца не было, где взять?
- 01:36:52 **А вы про отца... Я уже спрашивала это, но всё-таки еще вернусь, вы про отца говорили, может быть, когда чуть-чуть постарше стали, что...**
- А я не скрывала, я никогда ни от кого не скрывала. Но мне реакция нужна была, если у меня, допустим, вы бы спросили, я бы сказала: «Да я дочь врага народа». Всё, возле тебя вообще никого не будет.
- 01:37:20 **А вас это обижало, что никого не будет, что такое отношение?**
- Нет, я имею в виду, друзья всегда останутся, а вот те, что вот такие-сякие, которые любят поиздеваться... Но я не давала себя в обиду. Я говорю, я с парнями дралась.
- 01:37:45 **А вот когда был XX съезд?**
- Ой, нет, это я не помню.
- 01:37:50 **То есть не было никакой как бы...**

Нет, у меня никаких там это самое...

01:37:55

Ну в смысле, там же было, как это называется, развенчивание культа личности...

А, так это... Тарахтели везде и всюду, по-русски сказать.

01:38:05

Вы... Я просто пытаюсь понять, когда вы поняли, что государство в ответе за такие, ну, страшные такие события.

А я и так знала, что это... подпевалы вот эти, кто вот эти все клеветнические письма написал. На отца-то ведь тоже написали клеветнические письма. И еще он, мать рассказывала, он же в Гражданскую войну, считайте, 1895 года он, Гражданская война была, он был на фронте. Он был на фронте в Гражданскую войну. У него раненые ноги. Это я точно знаю. И еще знаю другое. Он Дементий. И в четырех километрах от него тоже Дементий был, они вместе служили в армии, в армии в этой. Они клялись друг другу: если с одним что-то случится, тот обязательно поможет семье. У Дементия, я имею в виду у дедушки, уже взрослые дети были, а этот молодой был.

01:39:29

Друг его, получается?

Да, ну они как земляки. Они дружили вместе, и вот раз они поклялись, что вот так и так, и так будет. И когда его убили, а жена заболела брюшным тифом, и у них остался сын, он вот этого сына, как бы сказать... Как это называется?

01:39:55

Приютит?

Не то слово «приютит», он его...

01:40:01

Усыновил?

Усыновил. И я вот это узнала, ой, да уже поздно было, уже замужем я была. Я узнала, что... Я говорю: «Как это так? Иван Дементьевич, отца брат, и этот Иван Дементьевич». Значит, у дедушки — он был Дементий Иванович, этот Иван Дементиевич, а этот, который убили его, у него сын-то был Иван. И вот у меня получилось два Ивана. И вот когда два Ивана мне в голове начали откладываться, я говорю: как так, родственники... Я его считала, что он родной, а потом, когда мне рассказали...

01:40:58

Я немножко запуталась. [Оператору] Да, да-да-да. Сейчас, секундочку мы поменяем батарейки. Я хотела еще... У вас вот какой... Я хотела про отца всё-таки, поскольку он у нас...

Отца я до сих пор люблю. Отношение его к нам, к детям и к матери, отличное было. Потому что вот помню такой случай. Значит, он вот этого брата, ему двух лет еще не было тогда, он его, значит, посадил в мешок, и это... А соседке надо было поросенка. А соседка — это была моя крестная. То есть наше отсюда было, их отсюда было. Ей надо было купить поросенка, и вот он взял вот этого брата моего посадил в мешок, за плечо, и идет, говорит: «Исаковна». Я помню, Исаковна ее звали. А кто она? Ну, знаю, что муж у нее был начальник станции. Певзнер, фамилию запомнила. Певзнер, она Исаковна, его Александр звали, а ее не помню. Ну всё Исаковна-Исаковна. Это моя была крестная. И вот он подходит и говорит: «Купи поросенка». Она, значит, подошла, а он же там шевелится, молчит, шевелится, она его потрогала, говорит: «Ну так покажи». Он опустил мешок, а тот стоит, кверху смотрит. И говорит: «Ну и поросеночек. Мне, — говорит, — такого не надо». Это вот я... А я же рядом стояла, я же всё это видела, слышала.

01:42:58

А кто именно на вашего папу написал донос?

О, там вообще-то надо в архиве смотреть. Я ходила с Чернышевым в архив, смотрела, читала.

Ну там что? Как вам сказать... Что он поезда вроде собирался под откос пускать, там еще что-то, он дежурный по станции был. Там, в общем, женщина, я знаю, что участвовала в этом, потому что вот у меня уже дочь первый класс закончила, мы приехали, просто я приехала, чтобы обратиться к кому-нибудь, пожить немножко, грибы пособирать, ягоды. У меня летом отпуск всегда был. Поэтому мы с ней приехали, к бабушке к одной пристроились, она нас пустила ночевать, ну что ей там помочь, могли помогать, помогли. Как раз к осени дело было и тут надо было ей лук убирать, да что. Ну и лука очень много было. Вот меня до сих пор это раздражает. Приехала внучка, а она, значит, лук она посадила, собрала, мы помогали очищать лук, я плетенки наплела ей, и тут начали они разговоры такие вести, и она вроде соглашалась продать нам плетенку лука, а тут вдруг — раз — и не хочет. Я говорю: «Так если вы не хотите продавать, мы же не настаиваем, мы в городе купим, разницы нам никакой нет». А она и пожаловалась. Внучка сказала, что она заберет весь лук за так, просто так ведь у бабушки забрать можно. Но самое, что мне не понравилось, что та приехала с подружками, у нее, по моему, девочка уже была, у внучки-то, считай, уже правнучка, бабушка курицу зарубила, бабушка суп сварила, лапшу домашнюю, посадила их всех за стол, мы ушли в сторонку подальше, потому что эта родня нам не родня. И вот, а потом они поели, встали, собрались и пошли. Бабка, значит, что делает? Убирает всю посуду, бабке надо мыть посуду, надо за водой сходить, а те собрались пошли погулять. Потом она сидит-сидит — и заревела, бабушка эта. Я говорю: «И что?» «Она сказала, что она весь лук у меня заберет». Ну что, пенсия у нее 23 рубля была. 23 рубля пенсия у колхозницы.

01:46:30

Это вот вы еще в деревне жили, вы ребенком были тогда, да, получается? Или это когда?

Нет, это у меня уже дочь первый класс закончила. И мы пошли в Гилевской деревне спросить, кто бы там нас пустил, потому что эти родственники уже уехали, эти уехали, тут две семьи только, три жили, к ним я вроде не хотела, потому что даже родственники были разные, некоторые хорошо нас воспринимали, а некоторые нет.

01:47:08

А это влияло то, что у вас папа, его забрали, враг народа типа?

Так мне нельзя говорить об этом. Если что-то мне сказали, я отвечу. А раз я отвечу, ко мне с такими словами никто не обращался. Никто у меня ничего не спрашивал. Как-то у меня один раз спросили, я очень резко ответила.

01:47:37

Ну я имею в виду, что родственники отношение не меняли из-за этого?

Вот по материнской линии, они, считайте, уже в разных сторонах были: в Новосибирске, в Томске, в Средней Азии сестра была. Единственная сестра матери, которая... В общем, вот... Бабушку когда замуж отдавали, у них было оговорено, это у прабабушки, было оговорено: первая девочка родится — она отдает ее бабушке на воспитание. И этой оказалась Анна Гордеевна, материна старшая сестра. Вот эта была человеческой всю жизнь. Ее отношения совершенно другие, чем вот родственники другие. По отцовской родне я бы сказала, что не все к нам нормально относились. Которые... Я же чувствовала, что если не очень, я уходила. Вот Дмитрия Евграфовича жена, его в 1937 году посадили, она-то ведь, собственно, нам дальняя родня ведь уже получалась, если у нас отцы были двоюродные, мы-то уже с ее детьми троюродные. И вот Зинаида Демидовна работала в селе Токари, учительница начальных классов. Груша, что вот в Соликамске живет, училась у нее в школе. Так что... Я ее так с хорошей стороны всё время вспоминаю. Или вот она молоко вот это с красными пенками, с такими вкусными. Сейчас такого молока нет. Сейчас же снятое молоко продают, обрат. Обрат, говорят, что два с половиной, три с половиной, и всё.

01:49:53

Ну а всё-таки по жизни хотя бы какие-то были сложности у вас из-за того, что папа репрессирован? Допустим, когда не принимали на работу...

Нет, меня нельзя было не принять на работу. Я отвечала сразу. Большинство... Ну вот, видите, я тогда рассказывала, 15 [лет] не было еще. Вот он думал-думал: как это так, он мне подписал. Но я же ему не сказала, что я по свидетельству сестры устраивалась на работу. А ей... Он еще и спросил: «Почему паспорта нет?» Я сказала: «Да я получу паспорт». Какой паспорт мне сейчас... Как-то шла по заводу Свердловка, и у меня у туфли оторвалась подошва. Я зашла в механический корпус, подошла к мастеру и попросила, говорю: «Есть у вас проволока или что-то мне прицепить, чтобы я хоть домой ушла». Моментально прямо пошел, нашел проволоку,

две дырки сделал, завязал мне, привязал подошву, и я ушла домой. Так что люди были всякие. Но я унижению никогда... не это самое... по-русски сказать, подвергали меня, пытались, но я не поддавалась. Я и до сих пор такая. У меня сейчас подружки — 65, 70, 75, 80 лет. Одна только 85 лет. Но мы с ней как-то реже встречаемся, потому что она плохо очень ходит. И я вот начала с палочкой ходить, мне кардиостимулятор поставили, и меня иногда покачивает. И чтобы не получилось это, чтобы я куда-то свалилась. Бывает так, что я иду прямо, раз — ногу подставила, и дальше.

01:52:16

А скажите, у вас семья была религиозная? Вот потому что вы говорили про священника дедушку, и поэтому я решила спросить.

Мать в церковь не ходила, но они собирались вот так. Но нас она не втягивала в это. Ни меня... Но с сестрой со старшей, по-моему, она бывала в таких молельных домах. Меня нет. Почему? Потому что я могла ответить.

01:52:51

Вы не хотели?

Я, во-первых, не хотела, во-вторых... Ну, по-русски сказать... Сейчас я вам покажу. Троюродная сестра мне подарила крестик. Посмотрите, какой он. Это крестик старообрядческий. Вот она мне подарила его. Я у нее спросила, говорю: «Как его носить?» Видно, да? С этой стороны молитва, а с этой стороны крест. Вот кто увидит и говорят. Я на шею не могу носить. Почему? Потому что он мне мешает. А вот...

01:53:37

Это сестра ваша подарила?

Это троюродная сестра, прежде чем уехать из Перми, она уехала к дочери. И вот она сходила в Верецагинском районе, станция Бородулина, там... как вам сказать, старообрядческая церковь. Уже потом вот... Ну как они называют, молельный дом. Вот она там была и взяла мне вот этот крестик. Мать на меня крестик не вешала.

01:54:18

Это вот это ваша старшая сестра, да?

Это троюродная сестра. Архипа дочь. А дочь Архипа, а Архип — двоюродный брат моего отца. Далеко родня. Но я с ней и вообще с этой родней всегда была в нормальных отношениях. Поэтому она решила, что надо мне повесить крест. Я говорю: «И чего я?» «Ну вот будешь носить». Я на шею его не могу одеть. Почему? Потому что он мне мешает. Тут вот что-то нехорошее получается. А сейчас тем более.

01:55:04

Ну, то есть вы верующая всё-таки?

Я бы не сказала, чтобы я жестоко верующая, но вот когда день памяти, я хожу в церковь, ставлю свечку. Это я делаю. Поминальную... перечисляю своих живущих и неживущих, передаю. Сейчас у меня большинство... У меня бывшая ученица моя, она ужасно стала верующей, когда у нее в начале свекор умер, свекровь умерла. Она за ними ухаживала. Потом муж умер, потом сын умер. Вот она сейчас ходит постоянно в церковь. И она мне когда... Я 30-го только октября хожу, а она в такие дни иногда ходит и в поминальник ложит поминать моих родственников, живых и мертвых.

01:56:12

Скажите, а сейчас какие у вас взгляды общественно-политические, так сказать? Есть ли, не знаю... Живет ли с вами это сознание, что репрессии могут вернуться?

Да запросто. Запросто могут вернуться. Почему? Потому что сейчас очень много вот этих хитрецов-мудрецов, которые скрываются под чужой личиной, по-русски сказать, под чужой личиной. Они... всё у них хорошо, они ля-ля-ля-ля-ля...

01:56:54

То есть вы чувствуете это?

Конечно. Я, допустим, могу с кем-то разговаривать, на любую тему я могу поговорить, а, допустим, я чувствую, что человек нечестен.

01:57:14

Потому что он боится?

Понимаете, я не знаю, как определить это, по-русски сказать, как вам сказать, сейчас скажу. Вот, допустим, какой-то там начальник, и он начинает выпендриваться, по-русски сказать. Всё, я уже от него могу дистанцироваться. То есть я не вступаю на эту тему, в политику я не лезу и политикам не верю. Особенно не верю этим старым коммунистам до сих пор, почему? Потому что вот это было при них всё. Путину больше верю, чем этим самым.

01:58:05

А как вы относитесь к возрождению культа Сталина?

Возрождению культа Сталина?

01:58:12

Оно же есть.

Как можно ему верить и повторять это самое? Да, он иногда хорошие дела делал. Вот во время войны он очень много делал хороших дел. А он вынужден был это делать. Он же обратился, насколько вы... не помните, может быть слышали, что он обратился, когда война началась, он обратился не просто к народу, а он обратился «дорогие братья и сестры». Он обратился с этим воззванием, что на нас напал фашист.

01:59:07

То есть, несмотря на то, что такие были страшные репрессии, вы всё равно его как бы...

Ну вот не всё же у него только плохое было. Плохое было потому, что у него под его началом был, по-моему, Вышинский. Ой, дальше кто? В общем, я забыла их фамилии, но все, кто занимались вот этой репрессией, они же тоже всё скрывали.

01:59:39

Вы думаете, он не знал?

Всё он знать не мог. Ну вот, допустим, у меня подруга уехала отсюда из Перми и в Москве... Там, вы знаете, где это... кладбище расстрелянных.

02:00:02

Бутовский полигон.

Вот я и хотела сказать, вспоминала, Бутовский полигон. И показывали, как вам сказать, кто этим делом занимался. Значит, жопу в горсть — и бегут прислуживать. Вот эти вот были, и они сейчас есть. Извините меня за такие слова.

02:00:35

Всё правильно. Получается, поддерживаете ли вы какие-то контакты еще с какими-то репрессированными? Может быть, с вашими знакомыми?

Да. Да.

02:00:45

Расскажите, пожалуйста.

Ну вот, допустим, у меня на нашей улице живет Томашова Людмила. У нее отец грек, мать хохлушка. Они жили в Крыму. Они выселенные. Выселены вот сюда в Пермь были. Он не сидел, а он как сосланный. У нее сестра живет возле цирка, где-то там. Я один раз была у нее. Ну с ней вот мы в нормальных отношениях, по телефону созваниваемся, и всё. Ну а еще, вот когда я допустим... Логинова. Нина Логинова. Это мы жили на Солдатова, 30. Мы жили в 104-й квартире, а она в 109-й. Это как репрессированные, но, по-русски сказать, иногда на собраниях бывали. Бывали на кладбище обязательно, 30-го числа ходим в октябре. Вот когда я на

кладбище прихожу, это старообрядческий крест, то есть не я принимала, а меня принимали в эту веру. Но я хожу в православную церковь, ставлю [свечки]. Раньше не принимали старообрядцев. Кто знает, кто они такие. Ну я, допустим, знаю. Вот взяла как-то и записала на блокнот, какие есть веры. Оказывается, 11 или 12 вер я записала, это только всякие-всякие там. А ей с Чернышовым... Я ему прочитала, какие я написала. Он говорит: «А кто такие чалдоны?» Я говорю: «Чалдоны — это те же сибиряки-старообрядцы». Но чалдоны, их почему чалдонами называли? Потому что они, большинство, когда их сослали в Сибирь, они занимались разбоями. Они же верующие, родители, допустим, а молодежь уже занимались...

02:03:18

Интересно, я не слышала.

А в песне-то есть. «Пойдем мы своей чалдонышкой по Сибири воровать». Помните? Нет. А я вот помню эти слова.

02:03:34

А вот такой вопрос. А как вы думаете, что должны делать люди, чтобы репрессии не повторились?

Побольше говорить правду, не скрывать ее. И если... Вот допустим, я никогда не буду скрывать, что у меня отец был репрессирован. Никогда. И вот дети у меня знают об этом, внуки знают об этом.

02:04:01

Какое главное последствие ГУЛАГа и репрессий сейчас чувствуется для общества в целом?

Вот я вам другое скажу. ГУЛАГ, репрессия — вроде и на отца у меня документы есть, и всё. Но я добиваюсь: скажите, где он расстрелянный? Хотя бы знать. Другое скажу. На 12-м километре от Свердловска, там кладбище репрессированных, расстрелянных этих. Я туда приезжаю, я не чувствую, что он там. А вот когда в 2016 году... Нет, до 2016 года еще, наверное в 2014-м, 2013 году, я с родственниками ездила на кладбище. Там перед Троицей как раз на кладбище ездят, где сейчас табличка у отца стоит, Волегова, станция Волегова. Там два кладбища, одно вот, допустим, здесь, а второе там пошло дальше. Этих родственников я нашла, где они похоронены. Там потому что каждая деревянная родственников хоронили, старались в один ряд. Вот этих гилёвских, я тут была. Потом, значит, я знаю, что прабабушка была похоронена на волеговском кладбище. То есть через прудик, туда немножко в лесок тоже. Вот там стоял просто столбик и прибита была дощечка. Это в 1950 годах, там уже ничего не осталось, а только вот такое. И бабушка, тетюшка мне показывала, что это вот ее могила.

02:06:13

А папу, вы говорите...

Вот, вот слушай, я расскажу дальше. Сейчас-то этого нет уже, там всё сгнило. Представьте себе, что бабушка приехала из Томска, и бабушка, и дедушка по материнской линии, они вернулись на станцию Бородулино, и когда они умерли, их хоронили вот на этом на волеговском кладбище. Я знала, что могила материной сестры мужа, он Пугин Гордей Титыч, первые буквы были написаны. Мне рассказывали, что от его могилы через могилу похоронен дедушка с бабушкой. Вот когда я пришла на это кладбище, спрашиваю, примерно куда мне идти. Меня посылают в эту сторону, а меня тянет вот в эту. Я ведь пошла вот в эту сторону, раз мне, вот туда я не хочу идти, а вот хочу туда. Я ведь вот как шла, не то что вот там виляла по-всякому, вот мне надо сюда было пойти по дорожке, а я повернула вот так, и я прям пришла к этим могилам. То есть я чувствовала это. Спрашивается, я же их не хоронила, я знала, что они там похоронены, я как раз в Печоре жила, когда они умерли. Спрашивается, что? А вот на 12-й километр приезжаю, они говорят, что... Ну вот Наума нашли там, Харлампиевича этого, что родственники ездят, они знают, что он там есть. А моего отца-то нет. Разница у них в два-три дня всего, как они похоронены, расстреляны. Где он расстрелян? Вот я сейчас добиваюсь, а они хотят, значит, сейчас человек 50 снова таблички делают и туда хотят написать это. Почему их двоих разыскивают, потому что вот сейчас нашли, что он там есть, а моего отца нигде нет, могилки нет, памятной дощечки там тоже нет. Но вот для меня сейчас памятная дощечка — станция Волегово. Там, где он работал, там, где мы жили, и там, где он родился, я родилась. Вот это что такое? Я вот этого не понимаю. Почему меня вот сюда не тянет, а вот туда потянуло? Я когда рассказала двоюродной, троюродной сестре, еще теткам, говорю: «Я нашла могилу». А потом мне брат говорит: «А мы, — говорит, — следили за Зинаидой Демидовой, она, — говорит, — пришла на кладбище»... Вот это моего отца двоюродного брата дочка, и говорит: «Мы за ней следили и знали, что она придет к этим могилам». У них написано:

Поносков Гордей Евдокимович, первые буквы, памятник металлический, на нем выжжено это, и у этой: Пугина Анна, на «Ф», Ф-ф-ф... Забыла... Фатеевна, по-моему, я забыла, у меня там написано, есть. Как вот это? Я никак вот это не пойму. Я еще одну могилу искала. Когда мы мужа похоронили, и надо было мне найти двоюродного брата на Северном кладбище, мне сказали, что где-то он тут поблизости. Вот представьте, что вот дорога, здесь 77-й квартал, а тут уже 97-й. Я к этому брату пошла, говорю: нет, что-то я не туда, повернулась, пошла сюда. Я ведь нашла эту могилу. Это как? Покойник меня, что ли, звал? Не знаю, не буду врать.

02:11:08

А вы вот Наде это всё показывайте, она это будет снимать. Сейчас она подготовится.

Так, это я по молодости, а это я уже дочку родила. Дочка родилась в 1969-м.

02:11:23

А муж у вас симпатичный какой.

А я?

02:11:27

И вы тоже прекрасны.

Вот представьте себе, дали мне вот эту фотографию. Это мать... отца сестра. Это... Сейчас я их всех назову. Это вот Арина, это Мария Семеновна, сейчас скажу, кто она... В Нытве дочка ее живет. Это жена Семена, отца сестра. Это бабушка Ульяна Федотовна. А это у меня Варвара Григорьевна, это бывшая соседка. Также он двоюродный, троюродный, там по отцовской линии троюродные они братья.

02:12:26

А нам бы вот вашу прямо вот семью, ваши братья, сестры, есть прямо фотография, где вы все вместе?

Все вместе?

02:12:33

Да, мама, папа там.

Мама, папа — нету.

02:12:36

Ага, а просто мамы, папы фотографии?

Так. Вот такая фотография. Эта фотография, это мне копию сделали, 1926 года. Это Гордей Титович, матери сестры муж. Это моя мать. В 1926 году ей 20 лет было. Это ее сестра Сима. А это родственница Капиталина, но... Мне сказали, что она дочка. Я говорю, нет, это не то. Это, говорю, двоюродного брата... Ну, это фотограф. Это дедушка. А это Демид Евграфович, двоюродный брат. Это бабушка Анна Фатеевна. Так, вот эту я не знаю, она не она, а это матери брат Герман. А это вот муж с женой. А это вот из них который-то Денис, его сын погиб во время войны. 1926 год.

02:13:56

Здорово. А есть еще крупная фотография, где вы с мамой, допустим, или с сестрами, ну там вот с сестрой, с братом, где вы маленькая?

Вот я всех этих написала, кто они есть. Единственное, что я убралась. Это у меня вот эта фотография. Ну представьте себе, что отдали мне фотографию и говорят: «Мы не знаем, кто тут». Я их всех называю.

02:14:31

Да, это здорово, конечно.

Вот «На память брату Ивану». Вот брат Иван. А брат Иван, как раз Иван Дементьевич будет... Я вот так их складываю. Почему? Потому что... Так. Я их потом всех сложу. Так. Это вот дочь моя. Это мой сын. Это мой муж. Вот тот, что был молодой. Это внук. Ее сын. Это... Не пойму,

кто это такая. Но это не родня. Скорее всего, соседка брата моего. Фу, брата... Сына.

02:15:39

Хорошо.

Хорошо? Собака тут попала. Вот эту собаку украл. Ужасно жалко было. Ну это вот моя дочь и сын.

02:15:55

Это ваши дети?

Да. Он 1959-го, она 1969-го года. Она вот сейчас в Санкт-Петербурге живет. Так. Сейчас скажу, как называется у них там... Золотые Купола поселок. Ближе туда, к Выборгу.

02:16:19

А сын чем занимается?

А сын, вот сейчас он на пенсии. Сейчас он пчеловодством занимается. Это мой сын. Это дочка. Это я с мужем. Тогда еще моложе была. Попали?

02:16:39

А вот эти можно тоже фотографии?

Это мне 37 лет, 38-й год. Я дочку родила. Вторую.

02:16:51

38-й год? Как так?

Мне было 38-й год. Я ее родила на 38-м году. А сына родила на 27-м. И когда в роддоме была, места не было, я в коридоре лежала. Врач кричит этой акушерке: «Где у нас там девушка в коридоре лежит? 18-то лет ей есть?»

02:17:26

Вы юно выглядели очень, да?

Так я всегда. Ну вот 38, что, дашь разве?

02:17:31

Нет, нет.

И эта акушерка кричит врачу: «Ей 27-й год». Так что вот. Это вот когда муж мой молодой был. Оренбургский казак. Когда разругаемся, я его называла «пугачевское отребье». Вот семья у них была то же самое.

02:18:10

А здесь вам сколько лет?

Да, наверное, лет под 18, 15. Я не помню. Я знаю, что косы тогда у меня еще были здоровые такие. Вот [нрзб] косточка была.

02:18:30

Скажите, пожалуйста, остались ли какие-то прямо старые фотографии семейные именно вот с тех лет?

Ну я покажу сейчас. Так. Вот самое интересное. Это внучка Катя с мужем. Андрей. Тут бабка старая и мой сын. Всё? Так. Вот самое интересное у меня. Я потом всё это разберу. Так. Это фотография, это у нас свадьба, 25 лет когда прожили. А я вам тогда еще не сказала, когда мы разговаривали, я сказала: «25 лет если проживем, сделаем свадьбу». А нет — зад об зад, кто дальше. Мне через 25 лет эти слова напомнили. Это бывшая жена первого моего сына. А это Мальцев Игорь Вениаминович. Вместе с мужем работал. Ну тут я с дедом. То же самое, только в другом ракурсе. Убираю? Это внучка выходила замуж. Катя. А вот еще я вам расскажу про этот случай. Когда у нее родился... А, когда она родилась, мы приехали к ее родителям сказать, что внучка родилась. То есть вот она. И сидели за столом. Ну, деды подвыпили. Ее отцу 53 года

было, ну мой постарше. Вот сидели за столом, и он сидит: «Ну что, внучка родилась, теперь можно и туда». А я ему отвечаю: «Я когда правнучку замуж отдам, я подумаю, стоит туда идти или нет». Так вот, когда у нее родился сын, мне сообщили, да еще в мой день рождения, родился сын, и мне ночью, в два часа ночи телефонный звонок, думаю: кто не успеет меня поздравить, что ли, с днем рождения? Дочь звонит: «Ты еще долго будешь жить». Я говорю, а что случилось? Внук родился. Потом еще внук и еще внук. Так что три. Самое интересное, что я сейчас вам покажу. Это напечатанное в газете было. Вот они же. Ну, это не они, а вот про них вот здесь у меня. Это на аллее талисман ставили такие.

02:22:29

Но это не ваши родственники?

Так это вот Катя моя. Это ее муж.

02:22:39

Класс, красота. Какая память.

Всё? Я специально храню вот эту вот фотографию. Сейчас я тут еще найду. А вот газета-то была какая. Эта. Вот они. «Десять пар молодоженов открыли аллею мечты». Тут Катя, Андрей, любовь.

02:23:19

Они в Перми живут?

Они уехали в Санкт-Петербург, а сейчас не знаю, куда-то поехали в отпуск и задержались, где они сейчас, мы не знаем.

02:23:31

А, решили эмигрировать?

Так они вот в Санкт-Петербурге... Считайте, сыну уже 20 лет у них.

02:23:39

Понятно. Так, можем двигаться дальше тогда.

Так, это я убираю.

02:23:45

Помочь вам?

Да нет, я достану. Я просто хочу...

02:23:50

Я вот смотрю, у вас там старенькие какие-то фотографии.

Будут, будут. Это вот дочь у меня выходила замуж. Там сватью видно. У нее сыну уже 33 года. Вот она в Санкт-Петербург уехала. Так, это я свадебные сюда воткну, чтобы они не мешались. Вот такие мы поженились. В Средней Азии. А это через 25 лет. Фотографии еще, старые вот эти.

02:25:15

Вы не вставайте, мы вас сидя снимем.

Так. Вот три брата. Это у отца три брата. Старший, это Иван, это Семен. Это мне, чтобы не забыть.

02:25:42

Правильно, да, подписывайте всё.

Вот уже в возрасте в таком было. Это его жена, это их дочка, это вторая дочка, это внучка. Или внук, я даже не знаю, кто тут. Надо посмотреть. Внук. Это я убираю. Вот мы с ней дружим до сих пор. Это я куда-то должна положить пока. Это Анатолий, сын вот этого Ивана. Еще раз.

02:26:41

Нам бы вот именно, кто ваш непосредственно брат, сестра...

Будет. Так. Это Иван Дементьевич. И сын. А вот который сын, я не знаю. Там есть Леонид, там еще есть Анатолий. Вот кто из них кто... Тот Анатолий, а вот может он, может не он.

02:27:13

Хорошо.

Это вот участник войны. Григорий. Вот у него ступни-то нету. Так виднее? Калистратович. Братья все друг на друга до того похожи! Вот они опять. Это Семен, это его сын, а это Иван. Чей сын, не знаю. Скорее всего, вот этого Семена. У него Геннадий был сын и Анатолий, приемный, ну как — жены сын. Я знаю, что его сейчас нет, ни того, ни другого. Это вот мои родители, когда они поженились, ему 34 года, ей 23. Красивый был папаса у меня?

02:28:41

Очень, очень.

А у матери лицо было в оспах всё. Она перенесла оспу, и вот лицо у нее было такое с крапинками.

02:28:59

Так и не видно вроде бы?

Так конечно.

02:29:04

Нам как бы... Мы родственников ваших вряд ли вставим, кроме самых близких, а вот вы маленькая...

Было дело, где-то есть. Вот фотография. Смотрите, тут что написано. И вот мой отец. Это он когда учился. Оказывается, все записи у брата моего есть, что вот он тут изучал.

02:29:41

Вот который с краю, да?

Да, вот этот вот. Ну это... Это вот последний адрес Наума и нашего отца. И вот сейчас с этой стороны вторую фотографию будут ставить 7 июля. То, что вот эта фотография есть, они сфотографировали и верещагинцы в этом случае напечатали в газетке, и они нашли ее, Грушу мою. Всё, я убираю это? Ну а то, что та и та фотография, с большой-то удобнее. Это снимок 1936 года. Почему? Потому что брат у меня в 1935-м родился. Поэтому мы определили, что это 1936-й. А вот у Настасьи Петровны дочка Таня на руках, в Перми сейчас живет дочка ее, то есть племянница... внучатая племянница Груши. Вот этой Груши. Это моя сестра. Это ее сестра. Что интересное еще могу сказать: у нас же там прямо на станции, поселок там же небольшой был, у станции, помните, сбили Паулюса в Свердловской области? Шпиона американского. Не вспоминаете? В общем, они залетели в Россию, и их сбивали, и первого, кого сбили, наш советский летчик, Ипатий, знаю, что его звали, или вот этой, или вот этой брат. Там же в Волегово, я помню, мы-то еще маленькие были, считайте, мне четыре с половиной года, Груше пять было лет. Мы бегали, всё смотрели, а он раз — перевернется и на руках идет. И, допустим, дом у них был недостроенный, где-то ряда три. И он по этому бревну вверх ногами, а мы что, мы любопытные были, нам смешно, интересно было. Это вот мать их, значит, вот Таня, Груша, Лиза, Ваня. Ваня, оказывается, не этот Ваня, а там еще есть, в общем, их двое, тут нету их еще.

02:32:52

Так, кажется, хорошо. Можем дальше идти.

Это Александра Козлова, а... Тоня, а это Александра Козлова. Вот которой он брат был, я не помню, это было давно. Ну, вот эту вот фотографию я сюда за одним положу. Я их вместе стараюсь хранить. Не хочет. Нет, влезла. Почти. Не буду. Так. Тут брат дедушки. Вот тоже не знаю, где он, но было такое, что он в Сибири работал, уехал в Сибирь, перевозили они там грузы, золотого да что, возили, и их убили. Это его жена. В общем, грабанули. Это вот домик Калистрата, старшего брата. Это последний дом, он сейчас, остов-то есть, а самого нету. Вот старая фотография. Это бабушка, это первая жена, а это, наверное, вот этот Леня, а вот это Толя. И здесь вот с женой. Сейчас я тут бумажку разверну, посмотрю, кто есть кто. Так. Мария Семеновна, даже год рождения есть. Иван Дементьевич, это вот этот, выходит. Вот в первом

ряду. Бабушка Ульяна Федотовна, жена. Еремей. Это вот это вот, Ерёма, Еремей, значит. А это их дети.

02:35:41

Получается, ваш отец был женат в первую... Ну я просто немножко уже...

Один раз.

02:35:46

Один раз.

Один раз. В 34 года женился первый раз. Вот это моя бабушка, его мать. Если вот так вот показать. Ну вот считайте, Мария родилась в 1912 году.